

Зиновий Сагалов

Клип, или Забавы мертвецов

Трагическая игра

в 2 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Екатерина, 28 лет

Май, за сорок

Город Искра, наши дни

Прошлое никуда не уходит.

**Оно даже иногда
превращается в будущее.**

Айрис Мердок. Слуги и снег.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Стандартная двухкомнатная малометражка. Слева передняя и кухня, справа — дверь во вторую комнату. Обстановка гостиной, где происходит действие, тоже обычная — как у людей, не особенно заботящихся о внешних аксессуарах своего бытия. Диван с подушечками, пара кресел, журнальный столик под бра, несколько полок с книгами, телевизор. Разве только старинное шредеровское пианино с бронзовыми подсвечниками да массивные напольные часы выделяются из этого привычного мира вещей.

И однако же нельзя забывать, что обычная эта квартира на шестом этаже панельной девятиэтажки находится в странном городе, называемом «Искра-19». По причине сугубой секретности он не значится ни на одной географической карте, хотя и насчитывает не менее полумиллиона жителей, большая часть которых до самого последнего времени ковала ракетно-ядерный щит державы. И хотя времена теперь совсем иные, можно предположить, что до сих пор стены многих зданий в этом городе украшают пламенные призывы крепить оборону Родины, бороться за мир во всем

мире, а на главной площади, рядом с неизменным Ильичем, стоит гигантская, в натуральную величину, машина со смертельной ракетой, нацеленной на Запад, — туда, куда указывает бронзовый палец вождя.

Но все это — вокруг той квартиры на шестом этаже. А ей, вроде бы, никакого дела до окружающего мира — она поглощена своими пустячными проблемами. Вот хлопнула дверца холодильника в кухне — это Екатерина достала оттуда консервы, колбасу, несколько бутылок "фанты" и перенесла все это на журнальный столик. Там уже стоит большая полосатая сумка, с какими обычно ездят ребята-«челноки». Катя, по-видимому, только проснулась: она еще в халате и шлепанцах, без прически, время от времени сладко и сонно позевывает.

1

Звонит телефон. Катя снимает трубку.

КАТЯ (по телефону). Привет!.. Нет, Томчик... Да, Томчик... Ну проспала, миленькая, уж прости, элементарно проспала. Будильника нет, а куранты мои, как знаешь, только для музея... Да ты не ругайся, Томка, я все купила. Ага, как договорились. «Лещ в томате» — семь банок, печенье... Нет, крекеров не достала. Только «Юбилейное», пачек десять, по-моему... Нет, девять, одну сама сгрызла. Потом этих... батончиков пять штук, «фанты», сервелата две палки... Короче, целый гастронорм, донести бы... Нет, беленькой не купила. Не хватило денежек... А то, что наварила, как ты говоришь, пришлось отдать. Людям, Томчик. Должок, значит, был. Я-то без работы сижу, вот и пришлось перехватывать. Что еще? Сервелата купила две палки. (Блаженно, закрыв глаза, нюхает колбасу). А, я уже говорила? Тогда все... Мыло взяла на пробу. Люди ведь семь суток в дороге, мыться им надо? Пойдет, Томчик, пойдет, с ходу отлетит — я уже кое-что стала кумекать в нашем вокзальном бизнесе. (Прислушивается, длительная пауза). Нет, Томчик, не взяла. Они же соевые, эти трюфели. А мы с тобой что кричим, миленькая? «Кому шоколад? Кто забыл шоколад?» Дети подбегают, ручонки тянут. Нет, Томчик, это не сенти-менти, не могу... Вот такая я идиотка... Что? Нет, к ленинградскому я уже не успею. Сколько сейчас? Ну вот, видишь. А к симферопольскому приеду, эту реально. И в дорожной милиции как раз перерыв. Ты ведь в прошлую пятницу смылась, дорогуша, а меня лейтенант Сорока до девяти вечера в участке мытарил. Ладно, до встречи. Пока! (Кладет трубку).

Катя уложила все продукты в сумку, подошла к зеркалу. Повязала какую-то старушечью косынку, достала из шкафа жакетку, примерила ее — не понравилось. Вытянула ветхое старомодное пальтишко, надела и сама рассмеялась. Выпустила челку на лоб, взглянула на свое отражение в зеркале и, по-видимому, осталась вполне довольна собой.

(Громко, но не так, как обычно кричат базарные зазывалы). Кто забыл мыло в дорогу? Батоны, свежие батоны! А вот «фанта»! Купите «Лещ в томате»! Кому лещика? Я вам дешево отдам, женщина, возьмите, не пожалеете!

Она еще продолжает смеяться, но это уже, пожалуй, не смех, а какой-то натуженный хохот, надрывный, истеричный, который сменяется горькими, со всхлипами, рыданиями. Подошла к дивану, рухнула ничком и тихо стонет. Откуда-то возникли чистые, прозрачные голоса детей — зашел хор. Катя подходит к телефону, медленно и нерешительно набирает номер и тут же поспешно кладет трубку. Походила по комнате, снова крутит диск.

(В трубку). Это я. Ты еще дома? Вот что, Томка... Только не обижайся. Не приду я к симферопольскому. Нет, дело не в этом... Вообще не приду. Да не могу я, понимаешь? Не могу! Знаю, что идиотка. Да, да, самая настоящая, самая круглая, самая ярко выраженная клиническая идиотка. *(Медленно опускает трубку на рычаг).*

Звонок в дверь. Катя насторожилась, прислушалась. Звонок повторяется. Катя идет к входной двери, открывает ее. В передней, а затем в гостиной появляется Май. Он в синем плаще, на голове милицейская фуражка.

КАТЯ *(испуганно, стараясь преградить ему дорогу).* Погодите!.. В чем дело?

МАЙ *(весело).* Дело в шляпе! *(Поправляет фуражку).* Милиция! В стороночку, гражданка. Слышите? Прошу в сторонку.

КАТЯ. Но я... Ей-богу, вы, наверное, ошиблись.

МАЙ. Побеседуем, Екатерина... Как вас по батюшке?

КАТЯ. Львовна.

МАЙ. Вот-вот, так я и думал. Не Ивановна, черт побери! Не какая-нибудь посконная Трофимовна или, на худой конец, Афанасьевна! А именно Львовна!... Только не подумайте то, что подумали. *(Грозит пальцем).* Интернационалист до мозга костей. А вот классовое чутье не подводит. Интеллигенцию за версту чую, особенно гнилую. Только не обижайтесь: человек я прямой, без затей. Прост, как сама правда.

С любопытством осматривает комнату. Подходит к напольным часам, присел перед ними на корточки, тронул стрелки.

Швейцарская работа, Мозер. У нашей квартирной хозяйки точно такие же стояли. В Женеве. Редкостная штуковина.

КАТЯ. В Женеве?

МАЙ. Или в Париже. Ну, в общем где-то там. Каждый час, помню, наяривали: «О майн либер Августин, Августин, Августин...». Говорил, бывало: "Уже три августинчика пробилло, фрау Роза, пора бы и за скатерку". (*Засмеялся, потом вдруг хлопнул себя по лбу*). Балда! Какой Париж, какая Женева! В Цюрихе это было! Голова садовая, шишка еловая! Конечно, в Цюрихе! (*Вынимает карманные часы*). Часики мои и по сей день по цюрихскому времени живут.

КАТЯ. А зачем?

МАЙ. Чтоб интересней было... Ладно, голубушка, давайте к делу. Сперва маскировочку снимем. И косыночку, и пальтишко. Да, да... И волосики заодно в порядочек приведите. Покажем родной милиции истинную физиогномию.

Катя покорно снимает свой камуфляж. Май садится за стол, вынимает лист бумаги, продолжает рыться в сумке.

Где же она подевалась, бестия?

КАТЯ. Что вы ищете?

МАЙ. Ручку.

КАТЯ. Вы еще и писать будете? А что?

МАЙ. Милиция поэм не пишет.

КАТЯ. Ну вот что!.. По какому праву... вы...вы...

МАЙ. По праву правоохранительных органов. Простите, уважаемая, за невольный каламбур. Ручка найдется? Слышите, Екатерина Львовна? Ручку дайте, ручку! (*Вдруг расхохотался*). Опять забавно вышло. Ой, не могу! Некий мужик, то бишь я, приходит к незнакомой женщине, то бишь к вам, и просит у нее... ручку! Пока еще не сердечко, а всего лишь ручечку!

Катя, вымученно улыбаясь, протягивает ему авторучку.

И очаровательная Екатерина Львовна вручает неизвестному мужчине свою прелестную белую ручку. Ха-ха-ха! Вручила ручку — выходит, они уже обручены! Страсть как люблю словечками жонглировать! Об-ру-че-ны! А если одну буквочку тронуть? Что будет? Об-ре-че-ны! А? Блеск!

Заразительно, до слез, хохочет. Глядя на него, начинает подхихикивать и Катя. На самой высокой ноте Май неожиданно обрывает хохот.

(*Резко и официально*). Фамилия!

КАТЯ. Волчанецкая. Зачем это вам?

МАЙ (*записывая*). Год рождения? Лет сколько?

КАТЯ. Двадцать восемь.

МАЙ. Образование?

КАТЯ. Высшее. Окончила консерваторию. Ленинградскую.

МАЙ. Место работы?

КАТЯ. ДК «Атоммаш».

МАЙ (*пишет*). Дворец культуры Завода атомного машиностроения. Кем?

КАТЯ. Руководила детским хором, «Искорка» назывался.

МАЙ. А сейчас?

КАТЯ (*с замиранием сердца*). Что — сейчас?

МАЙ. Сейчас вы самая натуральная спекулянтка. Да, да, гражданка Волчанецкая. Торгуете недоброкачественными продуктами...

КАТЯ. Поклеп! Все свежее, из холодильника!

МАЙ. ...и в неположенном месте.

КАТЯ. А пассажирам так удобно.

МАЙ. Махровая торговка и перекупщица! Вот кто вы!

КАТЯ. А я поняла, кто вы.

МАЙ. Ну-ну, интересно.

КАТЯ. Из отдела по борьбе с коррупцией.

Май еле сдержал себя, чтобы не расхохотаться.

Меня лейтенант Сорока грозился туда отправить. Точно?

МАЙ. Точно! В десятку! Екатерина Львовна Шерлок-Холмская! (*Хохочет*).

КАТЯ. Он и адрес мой дал, да?

МАЙ. Все как по нотам.

КАТЯ. Так вы меня — что?.. Арестуете?

МАЙ. Все возможно.

КАТЯ. Нет, нет... Я тюрьму в кино видела. А потом во сне. Параша в углу, стены склизкие... Даже на день, на миг — и то страшно... Не трогайте меня, умоляю. Вы же человек с сердцем. И недавно в милиции, я ведь вижу. Смеетесь вот и странный какой-то — там таких не держат. А я... Не всегда же я по вокзалу с батонами бегала. Вот, глядите... *(Достает с книжной полки несколько статуэток)*. Это нашему хору в Хабаровске дали... А вот первый приз на Киевском фестивале. Это Юрмала, это «Артек». Подлодка вот — от моряков... Я с хором всю страну объездила, поверьте. А вот теперь — обвал, катастрофа. «Атоммаш» стоит, денег нет, хор мой распался, нет «Искорки» моей, нет... Коля Мухин, такой мальчишечка был перспективный, я за него Богу молилась, правда. Через год-два он бы Робертино заткнул. Стоит теперь Николенька мой в подземном переходе, газетами торгует... А Юрка Родионов! Вы бы его когда-нибудь послушали, товарищ милиционер! Как он «Узника» пел! Особенно во втором куплете, помните? Упруго, нон легато... *(Присела за фортепиано)*. «Клюет и бросает, и смотрит в окно...» Триоли там такие сложные, не каждый вокалист их возьмет. А Юрка! «И вымолвить хочет: давай улетим!» Встретила его на днях с ведром и тряпкой, на площади Ленина. «Мерседесы» и «Оппели» драит... А я сама? Чем лучше их? Правильно вы сказали: торговка, спекулянтка. Когда в облаву попала, в прошлую пятницу, мне даже объяснительную пришлось писать в участке. Век ее помнить буду. «По существу заданных мне вопросов»... Он мне диктует, лейтенант Сорока, я пишу, пальцы дрожат, буквы косолапые, как у первоклашки... «Сообщаю следующее. Сегодня, такого-то числа, я пришла на вокзал с целью продажи продуктов питания. Продала неизвестному пассажиру с поезда №129 две упаковки кефира и коробку конфет «Кудесница», после чего сотрудники милиции предложили мне пройти в дежурную часть. Претензий к милиции не имею, из принадлежащих мне вещей ничего не изъято. Ознакомлена со статьей такой-то. Екатерина Волчанецкая». А что делать, скажите? Хора нет, комнату мою в ДК сдали в аренду какой-то фирме. Вызвал меня директор: «Немедленно освободите помещение. Все ноты и цацки свои заберите». «Куда, Виктор Трофимович?» — «А куда хотите, хоть себе на голову». А ведь за каждый приз мне ручку когда-то целовал. Сгребла я все это и домой приволокла. Цацки... Практически — уволил... С мая без зарплаты сижу.

МАЙ. С мая?

КАТЯ. Да.

МАЙ. Смешно. А меня как раз Маем зовут.

КАТЯ. Да ну? Май? Что за имя диковинное? Первый раз слышу.

МАЙ. Не нравится?

КАТЯ. Нет, почему же. Очень даже оригинально. Ваши родители природу любили, цветы?

МАЙ. Вовсе нет. Сызмальства крутого я нрава был. Шебуршной такой, горластый, знаете, до ужаса. Ночи не сплю — бодаюсь, брыкаюсь, ору как скаженный. Извел, короче, своих стариков. Батя и говорит матушке: «Во, какого фулигана на свет народила, век с ним маяться будем ». И велел меня наречь Маем.

КАТЯ. Ваш папа тоже каламбуры любил.

МАЙ. Ага, родовое это у нас. Как загнет, бывало, про Матрену и вошь ядрену... У девок штаны падают от хохота — лежат, ногами дрыгают, доходят... *(Смеется)*. Там суть... ну, в общем... *(Пытается что-то показать жестами)*.

Оба смеются.

А хорошо как у вас. Уютно, светло.

КАТЯ. Может чаю попьем?

МАЙ. Не откажусь.

Катя приносит из кухни две чашки чая. Достает из сумки колбасу, нарезает батон.

А как же пассажиры? С голоду помрут?

КАТЯ. Пусть их дорожная милиция кормит.

Смеются.

Ешьте, ешьте. Вы же на дежурстве, проголодались, небось.

Май снимает милицейскую фуражку, приглаживает черные густые кудри. Отхлебнул несколько глотков.

Вы сначала маслом смажьте, а потом колбаску положите. Так вкуснее, вот попробуйте.

МАЙ. А ведь я обманул вас, Катенька.

КАТЯ. Как... обманул?

МАЙ. Очень просто. *(Рвет написанный им акт)*. К ментам не принадлежу.

КАТЯ. А эта... фуражка?

МАЙ. Брательника моего, Саньки. Он-то в органах служил... да буйну голову сложил. Посмертно награжден как борец с мафией почетной грамотой.

КАТЯ. А вы?

МАЙ. Просто поугагать вас хотел. Извините, если что...

Катя, схватив со стола нож, вскакивает на стул.

КАТЯ. Я вам попугаю! Не подходите!

МАЙ *(любуясь ею)*. А что — и пырнуть можете?

КАТЯ. Запросто! И глазом не моргну!

МАЙ. Хормейстер, называется! Да вы просто убийца. А прикидывалась такой интеллигентной, несчастной. Ох, ох — ах, ах! Куда там! А сама... Да не смотрите на меня так! *(Отступает на шаг)*. У вас глаза страшные! *(Заслоняется ладонью)*. Я не шучу, Катя. Мне больно от них. *(Медленно оседает на пол. Обхватил себя руками, будто пытается сдержать судороги)*.

КАТЯ *(испуганно)*. Товарищ милиционер! *(Соскакивает со стула, бросает в сторону нож, подбегает к Маю)*. Что с вами, Май?.. *(Помогает ему подняться)*. Может, вам валерьянки накапать?

Май мотает головой.

Давайте я скорую вызову. *(Направляется к телефону)*.

Май поспешно хватает ее за руку. Держит в своей.

МАЙ. Не надо, пройдет. От глаз ваших все пошло.

КАТЯ. От глаз? Моих?

МАЙ. Будто раньше их видел. Близко, а где — не помню. Наваждение. И в них, в самих зрачках — смерть.

КАТЯ. Чушь, чушь! И слушать не желаю!

МАЙ. Не вообще, не чья-то смерть, а лично моя, собственная. Будто вы меня убить хотите.

КАТЯ. Мистика какая-то... *(Надевает черные очки)*. А так — лучше?

МАЙ. Лучше, Катя. *(Пытается улыбнуться)*. Совсем уже хорошо.

Громко и торжественно бьют напольные часы.

КАТЯ. Ой? Куранты пошли! *(Ликует)*. Вы слышите? Куранты бьют! Куранты! Вы что-то там сделали? Да?

МАЙ. Стрелки переставил. По своим, по цюрихскому времени.

Катя хохочет.

КАТЯ. А вы шутник! Мне с вами, знаете, очень, очень весело!

Переливчатые колокольцы вызывают нежную старинную мелодию. Катя кружится по комнате.

Куранты пошли! Куранты! Куранты!

Медленно гаснет свет. В колокольный звон влетается негромкое пение. Как всегда, в радости и горе, она слышит их — своих детей, свою «Искорку». Звучит, тает в кромешной тьме высокий небесно-чистый голос хора.

2

Прошла неделя. Вечер, сумерки. Хлопнула входная дверь, зажегся свет в передней — это пришла Катя. Сняла плащ, поставила в угол тяжелую сумку, поправила перед зеркалом прическу. Из ванной доносится голос Мая: «Тореадор, смелее в бой! Тореадор, тореадор»!

КАТЯ. Май, солнышко, это я.

ГОЛОС МАЯ. Скоро выйду! *(Продолжает петь)*.

КАТЯ. Не торопись, купайся. Ты ел? Нет? Сейчас пельмешки отварю, еще что-нибудь вкусненькое придумаю... Пива тебе принесла. Небось, голодный? *(Переходит в кухню, готовит ужин и продолжает говорить — громко, чтобы было слышно в ванной.)* Была у Рудика... Слышишь, Май? Встретил меня как родную. Где пропала, говорит, чего не заходишь, то да се... Бегал ведь когда-то за мной — я еще девчонкой была, давным-давно... Ну вот... Сейчас у них на телевидении золотые времена. Уйма заказов от фирм. А он, Рудик, исполнительный продюсер по рекламе. Кабинет себе отгрохал — все в коже. Плафончики, телефончики — самая крутая крутизна! Он мне и говорит: «Ты ведь когда-то, Катька, сценарики пописывала для музредации, все довольны были. Возьмись за рекламу. Работы мизер, а бабки офигенные». И с хода дает заказ — для банка «Аврора», рекламный клип. Ну и взяла я... А чего теряться? Правда, Май?

Звонит телефон. Катя переносит его на кухню и, разговаривая, продолжает возиться с ужином.

(В трубку). Да, Томчик... Нет, Томчик... Сейчас никак, Май голодный, а я только заявила. Кстати, Томка, мы у тебя когда-то, по-моему, на восьмое марта салатик болгарский лопали, помнишь? Дай рецептик, роднуля. Май страшный травоядник, а я — ты ведь знаешь... Сейчас, записываю... *(Берет ручку, листок бумаги)*. Так, так... Мелко порезать. Четыре яйца, свеколка. *(Вынимает из шкафа баночки)*. Это есть. А вот зеленого горошка, кажись, нет. Что? Можно и без? Чудненько, лишь бы Маю по вкусу пришлось. Он ведь, считай, всю Европу исколесил — уж как-никак в салатах толк знает... Что? Да не все ли равно, кто он? Скажет когда-нибудь — хорошо, нет — ну и не надо. Что мне — с анкетой жить или с человеком? *(Прикрывает трубку ладонью, тихо)*. Я

за него Богу молюсь, Томка. Будто в форточку ко мне чудо - юдо влетело, инопланетянин какой-то... Познакомлю, Томчик, дай только срок...

Бьют напольные часы. Катя сияет.

Слышишь, куранты мои. А ведь полвека стояли. Он чуть дотронулся до них — и все! Вот тебе и мистика, Томчик. Удивительный человек, ну не такой, как все мы. Я перед ним как оловянный солдатик перед Наполеоном. Что ты смеешься, вредина? Прекрати! Поссориться хочешь? Иди в задницу! (*Бросает трубку на рычаг*).

Тут же раздается новый звонок.

(*Сняв трубку*). Слушаю... Май? Да, он дома. Перезвоните ему минут через десять, он купается. Срочно? Хорошо, записываю... Что? Ладья? А, поняла — шахматная... Пишу. Ладья «дэ» четыре на «дэ» семь. Записала. И все? Кто звонил? Яков Михайлович? Хорошо... Да, да... Отнесу ему прямо в ванную. (*Кладет трубку*). Что за срочность, вот фанатики-лунатики... (*Подходит к двери, ванной*). Май! Слышишь? Звонил Яков Михайлович.

ГОЛОС МАЯ. Что он сказал?

КАТЯ (*читает записку*). «Ладья «дэ» четыре—«дэ» семь».

ГОЛОС МАЯ. Что, что? Повтори!

КАТЯ (*просовывает записку в щель*). Держи, тут все написано.

Проталкивая записку, Катя невольно заглянула в щель и тут же отпрянула. Лицо ее искажено ужасом. Крадучись, снова подошла к двери ванной, заглянула туда и медленно отошла на середину комнаты. Взволнована, не знает, что делать. Схватила за телефонную трубку — бросила. Надела плащ — хотела уйти, но раздумала. Вышла на балкон — и тут же вернулась в комнату.

Звонит телефон. Катя долго не подходит. Наконец, нерешительно снимает трубку. Говорит глухо, не спуская глаз с ванной и прикрыв ладонью микрофон.

Томчик, послушай... Да ладно тебе, не сержусь. Тут у меня ЧП, страшное дело... Только что заглянула в ванную. Ну, нужно было. Он еще купается. У меня мозги тронулись... Там, в ванной, совсем другой человек. Нет, не Май, а другой. Лысый, без усов. А вся шевелюра на полочке лежит — там, где шампунь... Что? Маньяк? О Господи! Он сейчас выйдет, Томка, что же делать, у меня все трусится... Ножи и вилки — все спрятать? Поняла. Ни черта не соображаю, столбняк какой-то... Топора нет, молоток где-то валяется, спрячу... Его вещи? Да, в чемодане. Легко сказать — посмотри. А если выйдет? Вот что, я его тихонечко запру, точно?.. Не клади трубку!

Катя на цыпочках подходит к ванной и запирает дверь на задвижку. Выносит из второй комнаты старый чемодан и открывает его. Снова берет телефонную трубку.

Ничего маньячного нет. Слышишь? Белье, носки, куртка. Книг несколько. Атлас мира, Карл Маркс. И все, Томчик, все. Ни пистолетов, ни кинжалов... Что? Руками задушит? А я ножницы в карман —они маленькие, их не видно. И чуть что — смерть маньякам!

МАЙ стучит в дверь ванной.

ГОЛОС МАЯ. Катенька, открой! Ты зачем заперла?

КАТЯ *(как можно спокойнее)*. Сейчас, солнышко. *(В трубку, тихо)*. Позвони через полчаса. Если не сниму трубку, вызывай милицию, немедленно. И сама приезжай, все им расскажешь. Пока, Томчик. Прощай, если что... Не могу больше. *(Кладет трубку на рычаг. Маю)*. Иду, солнышко...

Поспешно заносит чемодан во вторую комнату. Вынимает из шкафа ножницы. Замахивается на воображаемого противника и прячет в карман. Подошла к ванной, собралась с духом и отодвинула задвижку. Стремительно выскакивает Май. Он в махровом халате, голова обмотана полотенцем. Не глядя на Катю, подбегает к телефону, торопясь крутит диск.

МАЙ *(в трубку)*. Яков Михайлович? Это я. Записывайте. Да, да, быстренько, без канители. Ферзь "же" два на «е» четыре. Егор четыре. Все, жду сообщений. Ставьте меня немедленно в известность. Конец связи. Пока. *(Кладет трубку. Кате, ласково)*. Как там наши пельмешки?

Катя молча смотрит на него, держа правую руку в кармане.

Ежели закипели — главное не упустить момент. В кулинарном деле, как в политике: чуть зазевался, все — пиши пропало... Поэтому каждая кухарка способна управлять государством. Хорошая кухарка, как ты, родненькая... *(Пытается обнять Катю)*. Что с тобой? Почему у нас такие сердитые губки?

КАТЯ. Не подходи!

МАЙ. Вот новость! А в чем дело?

КАТЯ. Грипп у меня. Отойди.

МАЙ. А градусник ставила?

КАТЯ. Тридцать восемь.

МАЙ. Ух ты!

КАТЯ. И девять десятых.

МАЙ. В постель, детка. Пельмешки я доварю. Иди, иди.

Пауза.

КАТЯ. Май..

МАЙ. Да, милая.

КАТЯ. Ты... это... голову мыл?

МАЙ *(показывая на полотенце)*. Как видишь. А что?

КАТЯ. Там на полочке...

МАЙ. Что — на полочке?

Пауза. Оба смотрят друг на друга.

КАТЯ. Там шампунь... венгерский. Нашел?

МАЙ. Я не пользуюсь шампунем.

КАТЯ. Как же ты свою голову вымыл?

МАЙ. Тебе интересно? *(Берется за полотенце, внимательно смотрит на Катю)*. Скажи — интересно?

КАТЯ. Да, интересно. Очень.

МАЙ. Изволь.

Медленно разматывает полотенце. Снял его, обнажив коротко подстриженную голову с начинающейся лысиной.

Ты ведь в шелку глядела. И видела, что я снял парик. Чего же прямо не спросила? А то «шампунь», «полочка»... Не надо хитрить со мной, Екатерина. Не надо играть в кошки-мышки. Кошкой всегда буду я, только я! Поняла? Мяу! *(Хохочет)*. Небось, обалдела, увидев меня в ванной? Ничего себе подарочек, да? Пустила на квартиру незнакомого мужика, а у него голова отдельно, а волосы отдельно. *(Хохочет)*. На полочке, рядом с венгерским шампунем. *(Снова хохочет)*. А вдруг этот так называемый Май мафиозный бандит? Или сексуальный маньяк с удавкой? *(Шутливо - угрожающе надвигается на нее)*. Замочу-у-у!

Катя стоит на месте.

Смелая девочка. И сердечко не техкает, и коленки не дрожат. А зря. Вдруг я кровь пью? Или трупы расчлняю? Тебе ведь подружка сказала, что ты маньяка пустила. Сказала? А ну-ка вынь, что в кармане.

Слышишь? На стол ножницы, живо!

Подчиняясь силе его взгляда, Катя, словно в сомнамбулическом состоянии, медленно вынимает из кармана ножницы и кладет их на стол.

Два покушения за одну неделю — не многовато ли? Тогда с ножом, сегодня — ножницы. Что будет завтра? Пиф-паф?

Неожиданно хватает ее за руки. Катя изо всех сил отбивается, пытаясь вырваться.

КАТЯ. Пусти!

МАЙ(пытается поцеловать ее). Грипп? Да?

КАТЯ. Не хочу! Пусти! Да, грипп у меня! Грипп!

МАЙ. Плевал я на твой грипп. Я целовал сыпнотифозных. Спал рядом с оспой и чумой. Я пил из одной кружки с сифилитиком. Меня ни одна холера не берет. Хана твоему гриппу!

Сильно, страстно целует ее. Она еще сопротивляется, но уже заметно слабее, пока в конце концов не затихает у него на груди. Звонит телефон. Они стоят не шелохнувшись. Звонки не прекращаются.

Май снимает трубку и тут же бросает ее на рычаг. Снова звонят. Катя высвобождается из его объятий, дотягивается до трубки.

КАТЯ. Да, Томчик... Нет, Томчик... Никуда не звони, миленькая. Какая милиция, ты с ума сошла! Не смей! Жива, жива! Да, да! И не только жива, но и счастлива! Представь себе, Томчик! Очень счастлива! Да, да, да! Тысячу раз «да»!

Положила трубку, улыбнулась самой себе, взмахнула рукой. И хор мальчиков, словно он только и ждал этого сигнала, нежно и величаво взмыл в поднебесье.

3.

Суббота. Катя лежит на диване, в руке книжка. Из телевизора несется неиссякаемый поток рекламы. Фальшиво-веселые мужские и женские голоса на все лады расхваливают «сникерсы» и «марсы», лосьоны и гигиенические пакеты, автомобили и кофемолки, акции и дивиденды. Книга, видимо, мало занимает Катю — ее внимание поглощено телерекламой. Из второй комнаты выходит Май. Он в свитере, в руке пачка исписанных листов.

МАЙ (снимает очки в тонкой золотой оправе). Как ты можешь слушать эту... эту... (Расхохотался). Хотел сказать «галиматью» и

вспомнил... *(Снова смеется)*. В Бутырках, слышишь, мне довелось сидеть в одной камере с прелестным типчиком до имени Вася Быдло. Медвежатник высочайшего класса. Сейфы, как цыплят, потрошил. Бывало, рассказываешь ему о политике, разъясняешь, как говорится, текущий момент, а у Васи на все один ответ: «Галиматня это, профессор». Вот и выключи ты эту га-ли-мат-ню! *(Хохочет)*. Каков каламбурчик, а? Блеск! И при том из уст самого народа!

КАТЯ. Можешь сделать потише.

Май приглушает звук.

Учусь, как рекламу делать. Ничего что-то не соображу.

МАЙ. А у меня листовка застряла. Вот дьявол!

КАТЯ. Что-что?

МАЙ. Листовка. Начало готово, а дальше ни тыр, ни мыр. *(Надел очки, читает)*. «Жители города Искра, искровцы! Власть в стране захвачена мафией. Не демократы правят нами, а матерые преступники — бандиты и хапуги, лавочники и банкиры. В нашем великом городе должна вспыхнуть революционная искра, которая превратится в пламя...» *(Снимает очки)*. Вот тут закавыка. Может, так: «в очистительное пламя народного гнева»... Нет, тоже хреново...

КАТЯ *(с улыбкой)*. Ты это — серьезно?

МАЙ. Что?

КАТЯ. Насчет листовки.

МАЙ. Нет, шучу. Тебя с работы поперли, жрать нечего. Хороши шуточки!

КАТЯ. Успокойся, Май.

МАЙ. Полгорода нищих. Без работы, без надежды на будущее. Это что, тоже шутка? Мэр, подлюка, катал свою шлюху на Бермуды, а банкир Харитоненко держит в Швейцарии сто миллионов «зеленых». Тоже, по-твоему, шуточки? *(Впадает в транс, громко)*. Жирные коты пляшут на наших костях!

КАТЯ. Май, миленький, перестань!.. Прошу тебя, слышишь?.. Успокойся!

МАЙ. Спокойным сейчас может быть только баран, которому поют сладкую песенку по дороге на бойню. Мы возьмем власть в свои руки, увидишь! *(Потряс кипой листов)*. Здесь все про это написано. И кто виноват, и что нам делать. Все!

КАТЯ. Прочитай.

МАЙ. Нет.

КАТЯ. Ну мне интересно, Май.

МАЙ. Ты смеялась.

КАТЯ. Извини, солнышко... Просто, когда ты сказал «листовка»... Вроде бы снова девятнадцатый век вернулся. Народовольцы, Ниловна с прокламациями... *(Смеется)*.

МАЙ. Ах, так! *(Рвет написанное в клочья)*. Вот тебе Ниловна! Вот тебе народовольцы!

КАТЯ. Ну зачем ты? Май, чудо мое...

МАЙ. Смеешься ты — посмеются другие. Спасибо тебе, Екатерина Львовна, великое спасибо. *(Низко, в пояс кланяется)*. Не шпаргалки эти писать надо, а за горло схватить мерзавцев. *(Стремительно подходит к телефону, набирает номер)*. Яков Михайлович? Это я. Пишите... Слон «эф» три, Федор три. На «бэ» восемь, Борис восемь. Шах! Зафиксировали? Да, да, я все обдумал. Ждать больше нельзя, погубим дело. Только шах! Все, конец связи. Пока! *(Кладет трубку)*.

КАТЯ. Что за игра такая? Без фигур, без доски?

МАЙ. Поле битвы — вот тебе доска. Страна, город. Смотря где идет сражение. А фигуры — это мы и они.

КАТЯ. Знаешь, Май, я, наверное, тупица. Кто это «мы»? Кто «они»?

МАЙ. Мы — это романтики революции. А они — циники и торговцы. Мразь, пена. Революция сметет их на свалку истории.

КАТЯ. Уже слышала когда-то про это. Свалка, революция... Зачем повторяться?

МАЙ *(подходит к Кате, нежно обнимает ее, ласково гладит по голове)*. Девочка моя, малышечка... Нельзя быть такой наивной... А впрочем... Именно за это я и люблю тебя. Погоди... Вот я сказал "люблю тебя". А ведь эти слова наверняка произносили наши предки. И предки наших предков. Зачем же повторяться, как ты говоришь? Мы что, попугай? Нет, миленькая, и революция и любовь — это вечные слова.

КАТЯ. Май...

МАЙ. Да, детка.

КАТЯ. Я давно хочу тебя спросить...

МАЙ. Ну говори, говори...

КАТЯ. Кто ты такой?

МАЙ. Я? Май! *(Смеется)*.

КАТЯ. Я серьезно. Нет, если не хочешь, не надо.

МАЙ. Спрашивай, я отвечу.

КАТЯ. Вот ты бывал за границей. В Цюрихе, в Париже. Ты кто, дипломат?

МАЙ. Нет.

КАТЯ. Журналист?

МАЙ. Увы.

КАТЯ. Ученый? Разведчик?

Май отрицательно машет головой.

Кто же ты? Простые люди туда не попадают.

МАЙ. Ошибаешься, миленькая. Одна моя землячка, имя ее тебе ни к чему, объездила весь мир. Европу знала лучше, чем нашу родную деревню Красная Чуня. А ведь не дипломат, не журналист. Дремучая баба, четыре класса убогой сельской школы.

КАТЯ. Как же это?

МАЙ. А вот так. Ты про Медвежий цирк братьев Островских слыхала? Вот она у них и работала. Дерьмо за ними выносила. Не за братьями, естественно, а за косолапыми. А они все двенадцать месяцев в году — за рубежом. Рвут этих мишек на части — и французы, и испанцы, и прочие японцы. Вот она мне и говорит, Землячка: «Бери, Май, совок и ведро, и —эх,ма!-прокатимся по глобусу!».

КАТЯ. Так ты в Медвежьем цирке работал? Да, Май?

МАЙ. Сперва учился. В Архитектурном. Мечтал, понимаешь, все разрушить и на обломках новую планету выстроить. Свою! Как я ее вижу — с дворцами стеклянными, с апельсиновыми рощами на летающих сферах. И чтоб гирлянды искусственных звезд давали людям тепло и свет. Эх, Катюшка, чего я только не придумывал! Тысячи проектов! Надо мной потешались в открытую, чокнутым называли! А я и был чокнутый, не скрою. Снимал комнатенку в сыром полуподвале, оконце вровень с землей. Хлеб, бывало, солью посыпешь, кипятком запьешь — и весь день на сплошном энтузиазме. А вся стипендия на краски шла, на карандаши. Сколько, деточка, я ватмана извел — ужас! Как новый город во сне увижу, так все старые листы в клочья, и вперед, за новый проект. И был счастлив, Катюша, ведь свою планету строил! А на третьем курсе они расквитались со мной. Выставил курсовой проект — уборную. Но не отхожее место, а мечту Ильича — из чистого золота. С орнаментом из драгоценных камней. Для нужд свободного человечества. И что же? Думаешь, оценили? Поняли? Они, гады, кишки порвали себе перед моими листами —

ректор, декан и прочие наши суки. Я им объяснить хочу, что не для них туалет этот, а для людей будущего. А они кулаками трясут, слюной брызгают, сорвать хотят ватманы мои. Эх, как хватанул я стул, как начал их колошматить! Налево - направо, налево - направо!

КАТЯ. Своих учителей?!

МАЙ. По мозгам, по мозгам! Пока стул не сломался!

КАТЯ. Боже мой... Не думала, что ты такой...

МАЙ. Какой? Говори.

КАТЯ. Страшный.

МАЙ. А кто начал? Они. Я только оборонялся.

КАТЯ. Стулом?

МАЙ. Гранаты в руках не было.

КАТЯ. Ну, ну... Рассказывай дальше.

МАЙ. А дальше все по обычной схеме. Из института вышибли, засадили в каталажку. В Бутырки. Там я и понял, Катерина: без борьбы мне свою планету не построить. Тут амнистия, вышел. Туда-сюда, черноробом и то не берут. Встречаю Землячку. Айда к нам, говорит. С медведями легче, чем с людьми. Так я ведь зэк, говорю, кто меня возьмет? А она, Землячка, смеется: для братьев Островских, говорит, нет слова «нет». Они тебе такие документы выправят, что хоть в Политбюро, хоть в космос — куда угодно иди. И поехал я, Катенька, с совком и ведерком по всему белому свету. Ну вот... А в Берлине прокол получился. Был у нас камчатский медведь Макс, мы его в шутку Марксом звали — ничего, не обижался. Однажды свалился он с трапеции, лапу сломал. Что делать? Лечить? За границей дорого. Пристрелить? Жалко. Среди всех мишек он самый толковый был. Тут вызывают меня братья Островские: вези Маркса в Питер, на операцию, срочно. И в тот же день в запломбированном вагоне отправили нас в Россию. Он, естественно, в железяках — зверь как-никак. А я при нем. Едем, едем... И чем, понимаешь, ближе к родимой земле, тем беспокойнее он себя ведет. Сначала урчал: у-у-у! Потом выть начал. А под конец и вовсе криком кричит. Накапал я ему снотворного, с медом перемешал — воротит морду, ничего не хочет. Решил силой ему впихнуть. А он хватъ меня за голову, лапами сдавил и как крутанет! На все сто восемьдесят! Чуть беньки не повыскакивали! И все как-то разом... понимаешь... не сдвинулось, а наоборот, будто бы на место стало. Вот прибыли мы в Питер, на Финляндский вокзал. Пломбы сняли, двери открыли, встречают нас с Марксом как родных. Растрогался я, речь сказать хочу — о себе, о Марксе. Ищу глазами — где бы стать повыше, чтобы не затеряться в толпе. Как назло — ни броневика, ни грузовичка, ни даже самоходки какой-нибудь заваливающей поблизости нет. Ладно, я человек не гордый, лезу на пивной ларек. А меня оттуда за шиворот и на носилки. С такой, говорят, головой, задом наперед, нельзя с народом говорить, не

положено. И в больницу. В задницу колют, а говорят, что башку лечат. Скоты! Объясняю им, болванам, что не свихнулся я. Что так головешку мою медведь развернул, что весь шлак из•нее просыпался в брюхо и оттуда своим ходом вышел. Голова светлая стала, ничего лишнего. И понял я тогда, и кто виноват, и что делать, и отчего Маркс кричал, когда к России приближались.

КАТЯ. Отчего же, интересно.

МАЙ. Мы тогда через Белоруссию ехали. Поняла?

КАТЯ. Нет.

МАЙ. Через Беловежскую пущу.

КАТЯ. Ну и что?

МАЙ. А там три охотничка в ту ночь коньячок попивали, веселились.

КАТЯ. Опять ты загадками.

МАЙ. А утром по радио объявили, что нет Союза, похерили они его. Вот почему зверь ревел как безумный: они еще подписи свои не поставили, а он уже беду чуял. Я как из больницы вышел, первым делом его разыскал. Цирковая жизнь для меня кончилась — в зоопарк определили. Он теперь рядышком с Энгельсом, в городе Саратове. Узнал меня Маркс, запрыгал, глаза красные от слез... И поклялся я ему...

КАТЯ. Ты — медведю?

МАЙ. Марксу.

КАТЯ. Ты понимаешь, о чем говоришь?

МАЙ. Тому, кто голову мою просветил. Марксу.

КАТЯ. Ладно, Май, помолчи. Я от твоих историй скоро в психушку попаду.

МАЙ. Сама просила. Ты приляг, а я выйду, пройдусь маленько.

Поддерживая Катю, Май бережно укладывает ее на диван. Присел в ногах, взял ее руку в свои.

Знаю, детка, о чем ты думаешь. Что чокнутый, что крыша поехала. Да? Все так говорят. А мне плевать на них. А вот ты другая. Ты не можешь так думать, не должна. Пусть весь мир против, ты единственная — за. И тогда ничего не страшно. Тогда даже в носу щекочет и дух захватывает — так жить безумно хочется. Я не псих, Катя. Я погибну, если ты меня предашь. Я люблю тебя, Катя, люблю! (*Ласкает и целует ее*).

Бьют напольные часы.

Все. В Цюрихе полночь. Извини, я ненадолго. *(Идет в свою комнату).*

Катя молча наблюдает за ним. Май выходит с чемоданом. На голове парик. Вынимает из чемодана кожаную куртку, надевает ее.

КАТЯ *(с тревогой)* Куда ты?

МАЙ. Скоро приду.

КАТЯ. Я пойду с тобой. *(Порывается встать).*

МАЙ. Нет, нет. Полежи.

КАТЯ. Боюсь за тебя.

МАЙ. А я с помощником. *(Вынимает из чемодана пистолет, перезаряжает его, прячет во внутренний карман куртки).*

КАТЯ. Пистолет?

МАЙ *(смеется)*. А ты шмонала и ничего не нашла. Да? У профессиональных революционеров чемодан, дорогуша, всегда с двойным дном.

КАТЯ. Оставь пистолет, Май! Я боюсь за тебя, слышишь?

Май резко отталкивает ее. Катя падает. Май быстро выходит. Свет медленно гаснет. Из темноты, в полной тишине, возникает шуточная детская песенка, исполняемая незримым хором.

4.

Прошло несколько дней. Вечер. Свет бра падает на журнальный столик. Май, сидя в кресле, что-то пишет. Катя возится на кухне. Налила из турки две чашки кофе, несет их в гостиную. Отодвинула в сторону газеты и бумаги, поставила одну чашку перед Маем.

КАТЯ. Послушай, Май, а если так... *(Отхлебнула глоток из своей чашки, села за пианино, взяла несколько аккордов. Поет).*

В банке «Аврора» открою я счет...

МАЙ *(нараспев)*. Жаль твоих денежек — все пропадет!

КАТЯ. Май, противный, прекрати! Сбил меня. Проклятый клип, ничего не клеится.

МАЙ. Возьми крейсер.

КАТЯ. Крейсер? Какой крейсер?

МАЙ. «Аврору».

КАТЯ. И что?

МАЙ. Пусть плывет себе, плывет...

КАТЯ. А дальше?

МАЙ. Что, историю забыла? Останавливается, наводит орудия...

КАТЯ. Ну, ну...

МАЙ. Командир—крупным планом: «Огонь!» Бах! Бах!

КАТЯ. Снова дурачишься? При чем здесь банк?.. А впрочем, постой... Кажется, ты дал мне идею. Залп «Авроры» — летят пробки шампанского. Бах! Бах! Бах! Пенится вино, радостные лица, звон хрусталя. И титр: «Кто с нами, тот пьет шампанское! 720 процентов годовых. Банк «Аврора».

В банке «Аврора» открою я счет,

Знаю, что скоро и мне повезет,

Денежки здесь получу я с лихвой —

Крутится, вертится шар голубой!

А что? Вроде бы ничего! Соберу своих мальчишек — они споют, будет шикарно, а? Тридцать процентов гонорара — твои.

МАЙ. Не надо. Зарабатывай свою копеечку сама.

КАТЯ. За идею, миленький. *(Целует его)*.

МАЙ. Их бы всех к стенке, буржуйчиков этих. А ты им оды поешь. Саньку моего кто сгубил? Они, гаденыши...

КАТЯ. Какого Саньку?

МАЙ. Говорил же тебе. Брательник мой. Александр Уланов, младший лейтенант милиции города Искра. Погиб при исполнении. Вечная память. Идеальный пацан был. «Я эту мафию из-под земли достану, в рог бараний ее скручу»,—так он мне говорил, бывало, Санька. Как срежемся с ним, глотки дерем, чуть ли не до драки — в политике мы с ним чужие были. Надо, говорю ему, народ на штурм поднимать, Ильича время вспомнить — одним пистолетиком милицейским мафию не одолеть. А он мне: снова, мол, переворота захотелось, по большой крови соскучился? А как же, Санька, нечисть эту выскоблить, как? А он мне свое долдонит: все по закону должно быть, как во всех цивилизованных странах. Юстиция, презумпция, римское право!.. Словечками красивыми бросается, а сам уразуметь не

хочет, что все средства хороши, лишь бы карася зажарить. Учил я его, учил. Да не послушал меня братец мой младший. Вот и сложил свою головушку — по закону. Мэр с дружками большой бизнес крутил, цветные металлы гнал в Швецию — на миллионы долларов дело было. А Санька на след напал, копать начал. Как до мэра доковырялся — тут же его хлоп и баста! В засаду заманили, а у них, у ребят санькиных, не то что бронежилетов — патронов и то в достатке не было. Вмиг хлопцев перестреляли. Только фуражка осталась да пистолетик табельный — спасибо ребятам, схимичили как-то и мне на память оставили... Грамотой Саньку наградили посмертно как отличника службы, а больше ничего он у державы не заслужил. Койку его в общежитии тут же новому пареньку отдали — теперь ты, дурачок, с мафией борись, но только по закону...

КАТЯ. Жаль брата твоего.

МАЙ. Ага... Двадцать четыре года пацану было.

КАТЯ. Похоронил ты его и решил здесь остаться, у нас?

МАЙ. Больно город мне ваш прикинулся. Оборонщики, физики, работяги высококлассные. Не торгоши вонючие! Да и название по душе. Звонкое-то какое: Искра! Родное слово, зажигательное! Вот, думаю, отсюда и начать все надо, по новой спирали. С мэром за Саньку рассчитаться, людей на великое дело двинуть. Только идти надо другим путем.

КАТЯ. Что ты задумал?

МАЙ. Придет время — узнаешь... Короче — остался я после похорон здесь. А бабок нет — все, что было, Саньке на памятник отдал. Живу на вокзале — сутки проходят, двое, неделя. Ботинки за шмат сала отдал, еще кое-что из барахла толкнул — жить-то надо как-то. Ну вот... Выхожу как-то раз на платформу, гляжу — девушка славненькая такая, с батонами стоит. Все возле вагонов бегают, торговки эти, кричат, в морды товары свои тычут. А она как воробышек под дождем — нахохлилась, бедненькая, только головкой вертит.

КАТЯ. Это я, я!

МАЙ. Купил у нее батон. А на следующий день с мороженым она заявилась.

КАТЯ. Точно. Было такое.

МАЙ. Стояла, стояла, а потом начала свое эскимо даром раздавать. Во дела, думаю. В наше-то время!

КАТЯ. Оно таять начало, а ленинградский опаздывал, на три часа.

МАЙ. А тут менты наскочили. Шмон!

КАТЯ. Точно! Я как бросилась бежать! Я их как волков боюсь.

МАЙ. А я за ней. Она в автобус — и я в автобус. Она в трамвай — и я туда же. К самому дому подошел, к подъезду. И — стоп! Дальше не решился. Всю ночь не спал. А назавтра фуражку санькину надел и сюда. Поднялся на шестой этаж, дзынь... «Кто там?» *(Изменив голос)*. «Откройте, милиция!»

КАТЯ. Так я , тебе, значит, понравилась?

МАЙ. Мороженое вкусное было.

КАТЯ. Ты мне на вопрос не ответил.

МАЙ. Сказать честно сейчас не могу. А трепаться не хочется.

КАТЯ. Май, месяц ясный... Ты что, скрываешь что-то? От меня? Май!

МАЙ. Не поймешь, Катя.

КАТЯ. Это почему же?

МАЙ. Тебе смешно будет.

КАТЯ. Клянусь — нет.

МАЙ *(тихо)*. Тогда скажи... Можно разве любить женщину и бояться ее?

КАТЯ. Ты... боишься? Меня? *(Смеется)*.

МАЙ. Я же сказал — смеяться будешь.

КАТЯ. Извини. Май, солнце, говори дальше, не молчи...

МАЙ. Там, на вокзале, я увидел вдруг...

КАТЯ. Кого? Ну не молчи же!

МАЙ. Ее глаза...

КАТЯ. Чьи?

МАЙ. Вы были похожи, как сестры. Она тоже стояла тогда в толпе. Неприметная, пугливая. И головкой вертела. Фанни!

КАТЯ. Как ты сказал?

МАЙ. Ее звали Фанни. Ту женщину, которая...стреляла в него.

КАТЯ. Фанни Каплан? Откуда тебе известно, какая она была?

МАЙ. Читал. А может, и сам видел.

КАТЯ. Ты? *(Засмеялась, но тут же прикрыла рот ладошкой.)*
Прости...

МАЙ. У нее в руках сумочка была и зонтик.

КАТЯ. А зонтик для чего?

МАЙ. Не знаю.

КАТЯ. Вот у меня зонтика не было.

МАЙ. Глаза, как ты, щурила.

КАТЯ. Близорукая, значит.

МАЙ. Раскрыла сумочку, а в ней пистолет. Браунинг шестизарядный, бельгийской работы. Прищурилась, нажала на курок. Раз, другой, третий... До сих пор глаза ее помню...

КАТЯ. Ты? Ее глаза?

МАЙ. Она смотрела на меня с восхищением и ненавистью. Как ты, когда с ножом на меня кинулась.

КАТЯ. Погоди... Ты хочешь сказать, что там был не он, а ты?

МАЙ. Это безумие. Катя, согласен. Но иногда — пойми, это святая правда — вдруг... я падаю, как в пропасть, в чужую жизнь. Будто я был этим человеком, жил его жизнью, умер его смертью.

КАТЯ. Значит, это в тебя стреляла Фанни?

МАЙ. Скажи мне, Катенька, милая моя девочка, любимая моя... Мне это важно. Ты бы могла выстрелить? В него?

КАТЯ. Наверное, нет.

Май целует ей руки.

Но, если честно. Май... Я бы... я бы ее оправдала.

Май вскочил, отбежал в сторону.

Она в диктатора стреляла, в тирана.

МАЙ. Вот ты как заговорила! Ты могла бы? Значит, я не ошибся. Ни минуты, ни единой секунды я здесь не останусь! *(Начинает метаться по комнате, собирая свои вещи. Выносит чемодан.)*

КАТЯ. Май, что ты творишь? Глупенький, стой, из-за чего мы ссоримся? Майчик, милый, опомнись! Это же бред! *(Пытается вырвать у него чемодан.)* Не уйдешь! Нет! Ты не бросишь меня! Слышишь, Май!

МАЙ. Пусти! *(Резко рванул чемодан).*

Чемодан раскрылся. Из него высыпались на пол пачки денег. Катя ошеломлена. Смотрит то на деньги, то на Мая. Длительное молчание.

КАТЯ. Откуда они у тебя? Май! Откуда?

Май молчит.

Здесь же миллионы...

Май молчит.

Ты ограбил кого-то? Убил?

Май молчит.

Чьи это деньги? Чьи?

МАЙ. Это не деньги. Это патроны и динамит. Красные флаги и гвоздики.

КАТЯ. Вчера передавали: ограблен концерн "Холидэй».

МАЙ. А я тут при чем?

КАТЯ. Убит Соколовский, генеральный директор «Холидэя».

МАЙ. Не моя проблема.

КАТЯ. Это было, постой... Ну да, в тот вечер, в субботу... Ты пошел прогуляться... с помощником! *(Поднимает пистолет, лежавший среди пачек с деньгами).*

МАЙ. Соколовский, насколько мне известно, сам себя кокнул. В собственном кабинете. Дай пистолет, он заряжен.

КАТЯ. Соколовского убил ты!

МАЙ. Опустит руку, это не игрушка.

КАТЯ. Не подходи! Ты убийца! Я буду стрелять! *(Наводит на него пистолет и зажмуривается).*

МАЙ. Себя убьешь, дура! *(Бросается к ней, пытаясь вырвать оружие).*

Звучат один за другим несколько выстрелов. Май стоит, как ни в чем не бывало. Хохочет. Катя ошарашена. В сердцах бросает пистолет.

Ну и что, Фанечка? Убила Ленина, а? *(Показывает язык и смеется).*

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

5.

Катя видела сон. Будто бы она в тюрьме, в темной камере с маленьким зарешеченным окошком. И будто бы она, Катя, вовсе не похожа на себя — в какой-то серой жакетке в полоску, в длинной, чуть ли не до щиколоток юбке, в пенсне на цепочке. Чуть сутулясь, она взад-вперед ходит по камере.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Подпишите ваши показания.

КАТЯ. Очень темно. Я даже вас не вижу.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Что у вас с глазами?

КАТЯ. Макулодистрофия. Частичная потеря зрения. Читайте, я подпишу.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. «Протокол допроса. Я, Фанни Ефимовна Каплан, родилась в Волынской губернии, уезда не помню. Отец мой — еврейский учитель. В 1906 году — мне было тогда семнадцать лет...».

КАТЯ. Шестнадцать.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Исправлено на «шестнадцать»... Продолжаю. «Я была арестована в Киеве по делу взрыва. Судилась военно-полевым судом, была приговорена к вечной каторге. Сидела в Мальцевской каторжной тюрьме, потом в Акатуе. Была анархисткой...».

КАТЯ. Это до каторги. А там, познакомившись с эсерами, примкнула к ним.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Вносится в протокол. Продолжаю. «Октябрьскую революцию застала в Харькове, где лечилась в глазной больнице. Отношение к Октябрьской революции резко отрицательное, потому что я стояла за Учредительное собрание...».

КАТЯ. Да! Оно должно было установить в стране законную власть, а ваш Ленин разогнал его. И потом... потом... Он идет по трупам к единоличной власти, он погубит страну, вот увидите!

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Молчите, Каплан! Продолжаю. «На вопрос, кто мне дал пистолет, отвечать не буду. Решилась стрелять в Ленина сама, по убеждению. Теракт совершила на заводе Михельсона,

после митинга. Стреляла из браунинга бельгийской работы. Пули были отравлены сильнодействующим ядом кураре. Успела сделать три выстрела. Показания с моих слов записаны правильно, в чем и расписываюсь». Подпишите.

Катя подходит к столу, берет лист бумаги, вертит его в руках и снова кладет на место.

КАТЯ. Здесь ошибка, гражданин следователь. Не на заводе я стреляла, а у себя дома. Спросите у него, он ведь живой остался. А знаете, почему? На нем бронезилет был, поняли? Только где он, не знаю. Хоть убейте.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. И убьем.

КАТЯ. Меня? За что? Он ведь живой, правда.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Все равно убьем. Хотя бы за спекуляцию. Батонами торговали?

КАТЯ. О, Господи!..

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Бога нет, религия — опиум для народа. Отвечайте: торговали батонами? Да или нет?

КАТЯ. Ну торговала...

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. За это положен расстрел.

КАТЯ. Да вы что? За батоны?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Именно за батоны. Вот что написано в декрете №1: "За спекуляцию хлебобулочными изделиями — расстрел".

КАТЯ. Да в самые страшные годы этого не было.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Теперь будет.

КАТЯ. Мне в дорожной милиции, между прочим, все батоны вернули. И даже вежливо улыбались.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Дорожная милиция в полном составе расстреляна.

КАТЯ. Не может быть. А лейтенант Сорока?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Повешен как самый матерый.

КАТЯ. За что?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. По декрету номер один, параграф три. "За потерю бдительности в борьбе со спекулянтами и расхитителями социалистической собственности — расстрел. При

отягчающих обстоятельствах — казнь через повешение".

КАТЯ. Господи...

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Бога нет, религия — опиум для народа.

КАТЯ. Да кто же такие декреты придумал, бесчеловечные?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Президент Республики Искра Май Первый.

КАТЯ. Май? Он президент?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Первый президент. С правами диктатора. Народ, сбросивший оковы гнилого демократизма, вручил ему неограниченную власть на неограниченный срок.

КАТЯ. А что, в Искре произошел переворот?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Выбирайте слова. Не переворот, а революция. Та революция, о которой мечтали многие поколения искровцев. Как же вы не знаете об этом? Вы что, гражданка, спали?

КАТЯ. Видимо, да. Я спала, спала, спала...

Сгустилась тьма, и все исчезло. Возникла рваная, фантасмагорическая музыка.

Сквозь нее прорывается телефонный звонок. Резко, настойчиво, не смолкая. Музыка постепенно становится тише.

Сцена медленно освещается. На диване в ночной сорочке, обхватив голову руками, сидит Катя. Телефон продолжает трезвонить. Катя поднимается, подходит к нему, снимает трубку.

(По телефону). Да, Томчик... Нет, Томчик... Спала, ага. Вчера всю ночь монтировали клип... Да, приняли... Послушай, ты на вокзал еще ходишь? И как там? По-прежнему? Вчера облава была? Что ты говоришь! *(Облегченно вздыхает, улыбается).* Значит, дорожная милиция не дремлет? Кто же тебя задержал? Лейтенант Сорока? *(Ликует).* Точно? Урра! *(Бросила трубку, дико пляшет).* Лейтенант Сорока жил, лейтенант Сорока жив, лейтенант Сорока будет, будет жить!

Звонит телефон. Катя снимает трубку.

Прости, Томчик, это я случайно. Слушай, увидишь лейтенанта Сороку, скажи, что я целую его и всю дорожную милицию в полном составе. Да, да, тысячу раз!.. Вот такая я, Томчик, идиотка — самая настоящая, самая круглая, самая ярко выраженная клиническая идиотка!.. Нет роднунька, сожитель мой, как ты изволишь его называть, здесь больше

не живет. Вот так — разлучились, окончательно и бесповоротно. Будто и не было его. Только куранты остановились, жаль. Не знаю, который час в Цюрихе, ужас как обидно. Скучать не скучаю, Томчик, но вспоминаю часто. Понимаешь, он человек сложный. Что? Сдвинутый? Ну возможно, не хочу спорить. Во мне увидел другую... Да ты все равно не поймешь. Ему показалось, что я не я, а совсем другая... Ну шиза у человека такая... Ладно, ну его... все к лучшему. Что, Томчик? Нет, я же только встала. А что там по телеку? Где? На площади? Да ну их, с этой политикой!

Продолжая разговаривать, ударяет кулаком по телевизору. Засветился экран, слышен отдаленный гул толпы.

ГОЛОС ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА. Вы видите, что творится сегодня на площади?

КАТЯ. Мама родная! Переворот, путч — что там такое? Неужели сон в руку?

ГОЛОС ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА. Красные знамена, портреты Ленина и Сталина. Наша оппозиция, Патриотический фронт, кажется, решила продемонстрировать свою силу. Сейчас я попрошу операторов поближе показать грузовик, который превращен в импровизированную трибуну. На ней собрались все лидеры оппозиции. Вижу там Геннадия Бурлакова, лидера союза "Меч". Рядом с ним Горбик, бывший секретарь горкома партии. Справа от него Галина Бодягина, председатель общества "Женщины за коммунистический быт".

КАТЯ. Ничего себе компашка!

ГОЛОС ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА. Трибуну охраняют боевики ВОСРА — военизированного союза революционеров-арийцев под командованием Грум-Грумовича.

КАТЯ. Фашисты это, Томчик! Отпетые! Читала как-то их газетенку вонючую. Там и Гитлер, и Геббельс, и свастика — все на месте, ужас!

ГОЛОС ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА. Мегафон в руках неизвестного мне человека. Кто он? Я его вижу впервые. Он произносит речь. О чем он говорит, я могу только догадываться. Отсюда мне ничего не слышно. Но посмотрите, что стало с толпой! Они увидели в нем своего вождя. Люди что-то скандируют, поднимают вверх кулаки...

КАТЯ. Томка, это он! Это Май!

ГОЛОС ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА. Он бешено жестикулирует, размахивая зажатой в руке кепкой. В милицию летят камни и бутылки! Перевернули троллейбус! Подожгли газетный киоск! Как ему удалось вмиг наэлектризовать людей!

КАТЯ. Май, безумец, что ты творишь?!

ГОЛОС ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА. Спецназ двинулся на трибуну. Неизвестный с мегафоном вскочил на кабину грузовика. Арийцы Грум - Грумовича окружили его плотным кольцом.

КАТЯ. Убьют же его, дурака! Убьют! Май!.. Все, Томка, не могу! *(Швыряет трубку, набрасывает на ночную сорочку плащ и, как была, в тапочках, выбегает из квартиры).*

Голос телекомментатора становится все тише и тише. Наступает темнота. Тревожно поет хор.

6

В темноте слышны густые, медленные удары: это бьют часы в квартире Кати. На диване, укрытый пледом, лежит Май. Катя на кухне.

Май стонет. Катя встрепенулась, прислушивается.

КАТЯ. Что, Майчик?

МАЙ *(бормочет)*. Яков... Где Яков? Он звонил?

КАТЯ. Нет.

МАЙ. Значит, Феликс не приехал.

Катя подходит к нему, присаживается на диван, кладет ему на лоб ладонь.

КАТЯ. Снова горишь.

МАЙ. Феликса нет, кто же будет расстреливать? Кто?

КАТЯ *(достает из тумбочки лекарства)*. Выпей, тебе легче станет.

Май швыряет таблетку в сторону.

МАЙ. Легче станет, когда ярмо сбросим. *(Садится, осматривается, пытается, очевидно, понять, где он. Глаз его забинтован, правая рука на перевязи)*. Ты — кто?

КАТЯ. Май, чудо - юдо мое, неужели не узнал? Катя я, Ка-тя! Жил ты здесь, помнишь? Я тебя вчера с площади притащила. Убили бы тебя там, Майчик.

МАЙ. Ошибаешься. Нет на меня погибели. Не придумали еще. *(Встает с дивана, делает несколько шагов по комнате)*. Ну! Вот он я! Живее всех живых! *(Смеется)*.

Подходит к пианино, нажимает пальцем клавиши.

До, ре, ми, фа... фа... фа! Ты «фа»! Фанечка — вот, кто ты! Так тебя

зовут на самом деле. *(Хватает за руку)*. Хотела убить? Хотела? Да?

КАТЯ. Как увидела чемодан твой, с миллионами...

МАЙ. Неужто на бандита похож?

КАТЯ. Это правда, Май? Ты не убивал? Нет? Май, месяц ясный! Я люблю снова и навсегда! *(Припадает к его груди)*. Но все же, эти деньги...отуда они?

МАЙ. Он сам отдал.

КАТЯ. Банкир? На гранаты и гвоздики?

МАЙ. Эх, Катя, Катя... Или как там тебя в действительности зовут — Чека разберется... Так вот, есть оружие посильнее пистолета. Например, книжица под названием "Капитал". Мы с Яковом целую ночь читали миллионеру избранные главы. К рассвету он понял, что все награбленное у народа надо вернуть. Открыл сейф и сам отдал все, что там было. Попрощался с нами за ручку, все чин - чинарем, как водится среди благородных людей. Даже до дверей проводил...

КАТЯ. А как же он?..

МАЙ. Потом, когда мы ушли. Хлопнул себя и точка.

КАТЯ. Вы его довели.

МАЙ. Кто знает. Чужая душа потемки. Может, любовница бортанула. Или СПИД подцепил. Все может быть. Что теперь ковыряться — был человек, нет человека. А революция, она живет. Денежки уже в ход пустили. Час пробьет — и ударим. "Это есть наш последний и решительный бой!..".

КАТЯ. Сколько уже таких — решительных и последних? И снова кровь. А я жить хочу. Жить и любить. И больше ничего мне не надо. Не хочу крови, не хочу!

МАЙ. Наше зрение, Катя, или как там тебя, субъективно. Вот ты кровь видишь — только кровь. А я глаза закрою — и красные гвоздики передо мной. Рядом совсем, в хороводе знамен, песен, портретов. А пахнут как?

КАТЯ. Гвоздики? Да у них вовсе запаха нет.

МАЙ. Это для вас нет. У кого сердце деревянное. А у меня голова дуреет и кружится. Как шарик голубой.

КАТЯ. Шарик, Май, крутится только в первые дни. А потом... Он из голубого черным делается. И дым из него валит, и смрад.

МАЙ. Не лезь в политику — потонешь.

КАТЯ. Возьми вот нашу Искру. Это город на костях. И

магазины, и детские садики, и стадионы — все на черепках и на ребрах. Как на сваях... Здесь же когда-то лагерь стоял. Не пионерский, как ты понимаешь. Потом что-то там под землей обнаружили. Атомщики понаехали. Им этот город выстроили, Искру-19, и заводище под землей отгрохали, для ракет. А все зэки строили. Миллион их тут полегло, наверное, — кто их считал? Вот наш дом, да? С виду обычная обшарпанная девятиэтажка. Только во всех квартирах тут бывшие зэки живут.

МАЙ. Гнездо осиное, вот попал.

КАТЯ. Те, кто в живых остался. Или их потомки.

МАЙ. Вот ты каких кровей!

КАТЯ. Да, Май... Бабушка моя, Ольга, студенткой была, в Бауманском училась. Девчонки сессию сдали, зимнюю. Собрались у бабушки, крутили патефон, плясали, шампанское пили... А на календарь никто и не глянул. А было это, миленький, двадцать первого января...

МАЙ. Психи! Это же ленинский день, траур.

КАТЯ. Вот-вот... А девчонки об этом и не вспомнили. Смеялись, с ума сходили — первая сессия, радость-то какая, сам понимаешь. Ну вот... А сосед — тот, что за стеной жил, настучал. Так, мол, и так, устроили антисоветский шабаш в день траура. И пришили им дело о подпольной антисоветской организации, которая — слышишь, Май! — готовила теракт против товарища Сталина.

Май хохочет.

МАЙ. Ай, Коба! Ай, головорез! Очаровательный грузин, с большим чувством юмора. Но излишне строг. И что же стало с девчонками?

КАТЯ. Все здесь, под Искрой. Кто раньше, кто позже. Мученицы безвинные.

МАЙ. Они город строили. А когда строишь, это счастье.

КАТЯ. Ты... ты в своем уме, Май?

МАЙ. Как архитектор я понимаю их. А что? Жрать, пить — и в этом счастье? Высокое счастье, «глюк», как говорят немцы, возможно только через страдание. Возьми, например, Жанку...

КАТЯ. Какую Жанку?

МАЙ. Орлеанскую, вот какую. Славная была девчонка, и тоже молоденькая, как твоя бабуля. И кровь, значит, в ней ходуном ходила — француженка как-никак, темперамент бешеный. Конюхи и солдаты табуном за ней бегали. И что же она, трахалась с этими жеребцами? Как бы не так. Это ведь для похабной телки потеха. А не

для светлой феи. У нее, у Орлеанской Жанки, высший оргазм на костре наступил, когда пламя лизало ее лилейные груди. Счастье на костре — вот это по - нашенски!

Звонит телефон.

Яков! Наконец-то!

Катя снимает трубку.

КАТЯ *(по телефону)*. Рудик? Здравствуй, милый. Заказчик принял? Чудно!.. А когда эфир? В эту пятницу? Хорошо, посмотрим по телеку. Спасибо, Рудик. Пока. *(Кладет трубку)*. Слышал? Мой клип идет. Возьмем бутылочку, отметим. Ты не против?

МАЙ. Залп "Авроры" и брызги шампанского?

КАТЯ *(берет в руки телепрограмму)*. Так, пятница... Он сказал после девяти... Тут в программе «Лебединое озеро».

Май что-то торопливо пишет левой рукой на листе бумаги. Звонит телефон. Катя снимает трубку.

(По телефону). Да, квартира Волчанецкой. *(Слушает, на лице ее тревога)*. Май Уланов? *(Вопросительно смотрит на Мая)*.

Май отрицательно мотает головой.

Вы ошиблись. Никакого Мая Уланова здесь нет... Пожалуйста. *(Кладет трубку)*.

Май подходит к Кате и молча целует ее.

Тебя разыскивают, Май.

МАЙ. Я засветился. На площади.

Снова телефонный звонок.

Меня нет.

КАТЯ *(подняв трубку)*. Кто это? Яков Михайлович? *(Смотрит на Мая)*. Он не может подойти. Еще слабый. Учится писать левой.

Май дает Кате листок бумаги.

Да, да, только что получила. О, сколько ходов сегодня!.. Пишите. Ферзь "же" один на "эф" четыре. Слон "бэ" шесть на "дэ" восемь... Да, Дмитрий восемь. Ладья "а" три на "а" семь. Успевайте, Яков Михайлович? Конь "бэ" один на "це" три. И пешка "е" два на "е" четыре.

МАЙ. Погоди. Когда клип идет?

КАТЯ. В пятницу вечером.

МАЙ. Вот и отлично! В четверг рано, в субботу поздно. Пятница, час ноль по Цюриху!

Берет у Кати лист бумаги и что-то дописывает.

КАТЯ *(в трубку)*. Яков Михайлович, еще один ходик. Пишите. Король "бэ" восемь на "бэ" семь. Борис семь.

МАЙ. На штурм! *(С удовлетворением потирает руки)*.

КАТЯ *(Маю)*. Все?

Май кивает.

(По телефону). Конеч связи, все. *(Кладет трубку)*.

МАЙ. Дай записку.

Катя отдает ему бумагу. Май комкает ее, бросает в рот и тщательно пережевывает. У Кати отвисла челюсть.

Судьбу великих дел часто решают мелочи. *(Показывает на живот)*. Сюда уже никто не доберется. Запломбировано, хранить вечно! *(Смеется)*.

КАТЯ. Майчик, скажи, ты разыгрываешь меня? Нашел дуреху и накручиваешь лапшу?

МАЙ. Тебе смешно?

КАТЯ. Ну сам посуди...

МАЙ *(обрывая ее)*. Ты в зеркало часто смотришься?

КАТЯ. Ну, утром... А что? Когда на работу иду... Вот сейчас, например. *(Подходит к зеркалу прихорашивается)*.

МАЙ. Нет, малышка. Я имею в виду другое зеркало. С бородой до колен, в сорочке навыпуск. Зеркало русской революции — вот о чем я говорю. Не мешало бы тебе хоть изредка заглядывать туда... Так вот, идет однажды это Зеркало, то бишь Лев Николаевич граф Толстой, и видит: сидит человек вдалеке на корточках и как-то странно руками машет. Зеркалу это показалось нелепым, он давай смеяться. Хохоchet, понимаешь ли, в свою патриаршую бороду, заливаются. А тем временем ближе подошел и видит: человек этот вовсе не сумасшедший, как он решил вначале, а просто нож о тротуар точит. Вжик-вжик, вжик-вжик! И устыдилось тогда Зеркало русской революции, что не поняло первоначально действий другого человека... Вот так, Катя. Не безумец я, поняла? Точу свой нож о тротуар, а ты так далеко от меня, что не можешь понять, чем это я так занят.

КАТЯ. Ну вот, например, ты съел шахматные ходы. Зачем?

МАЙ. Есть правила конспирации. Их надо выполнять. Обратила внимание — сколько ходов.

КАТЯ. Да.

МАЙ. Я начал широкомасштабное наступление, На всех досках.

КАТЯ. А сколько их?

МАЙ. Сколько нужно для дела. Первая, например, центр города: мэрия, банки. Вторая — вокзал, третья доска — почтамт. Четвертая — телевидение и так далее. Архигениально, а? Был бы Стенька Разин шахматистом, у нас уже в семнадцатом веке была советская власть. После победы мы эти доски отдадим в музей революции.

КАТЯ. Постой, вы же в уме играете. Где доски? Их же нет.

МАЙ. Ах, черт! Тут ты права? Что же делать? Я ведь задумал создать в музее Дощатый зал. Поклонение реликвиям, фильтрация молодежи. Кто свой в доску... Опять, видишь, каламбурчик, тот с нами. А кто против, того, извините, либо в шею, либо под зад. Это буржуазная сволочь, контра! А насчет досок ты права, сделаем заметку. *(Вынимает из внутреннего кармана куртки несколько листков, что-то записывает)*. Тут, видишь, целый пакет декретов, я их уже подписал. Надо только власть захватить.

КАТЯ. А захватите?

МАЙ. А что? Сомневаешься? Не видела, что творилось на площади? То-то... Народ до отчаяния дошел, дальше некуда. За вождем в любую сторону двинет. Хоть на Клайпеду, хоть на Калькутту. Лишь бы в родной стране не подохнуть. А мэр, подонок, слышала, заявляет по телеку: наша власть сильна, мы опираемся на народ. И нет, мол, сегодня такой шахматной партии, которую бы демократы проиграли. А я ему тут же телеграммку отбил.: "Есть такая партия, господин мэр, и вы ее проиграете. Есть!". Он у меня в списке самым первым номером значится. В расход гада. По декрету номер один

КАТЯ. И меня заодно.

МАЙ. Тебя?

КАТЯ. Ага. За спекуляцию хлебобулочными изделиями.

МАЙ *(заглянув в бумагу)*. Точно. Есть такой параграф.

КАТЯ. За потерю бдительности — расстрел. А самых матерых — на виселицу.

МАЙ. Ты что, в бумагах моих рылась? Да?

КАТЯ *(смеясь)*. А что, верно? Да я таких декретов сколько

угодно наклепать могу. За анекдоты — расстрел.

МАЙ. И неправда! Похабные мы не контролируем!

КАТЯ. Би-би-си послушал — к стенке.

МАЙ. Тут в приложении целый список враждебных радиостанций.

КАТЯ. Можно и такой декретик сообразить. Напиши, если хочешь. Кто ест ананасы и рябчиков — расстрел.

МАЙ. Без тебя додумались. Только у меня тут еще масло добавлено. На весь переходной период. А что, простой народ меня поддержит. Те, что в помойках роются.

КАТЯ. Шаг влево — расстрел! Шаг вправо — расстрел

МАЙ. Расстрел — это не убийство. Это инструмент управления обществом. Как молоток у плотника!

КАТЯ. Заткнись!

МАЙ. Молотком по головушкам! Без этого ничего не выйдет!

КАТЯ. Замолчи, гадина!

МАЙ. Да ты пойми меня!..

КАТЯ. Все понимаю, Май, все. Только одного понять не могу. Зачем я, дура, полюбила тебя? Зачем я, дура, ношу от тебя ребенка? Зачем? Ненавижу тебя!. Мразь! Уходи! Вон отсюда! Вон! (*Рыдает*).

Гаснет свет. Поет хор.

7

*Прошло несколько дней. Вечер. Катя одна.
Разговаривает по телефону.*

КАТЯ. Да, Томчик... Нет, Томчик... Не угадала. Мы с Маем решили пожениться. Ага, напропалую! Все было, Томчик, как в романах: стоял на коленях, руки целовал... А слова какие при этом — с ума сойти! Нет, что ни говори, он человек редкостный. Не надо только, я поняла, всерьез принимать его болтовню. Ну, любит человек пошутить, поприкалываться. Прикидывается эдаким циником, для которого ничего святого не существует. А на самом деле добрый он и ласковый, и меня любит — не деревянная же, чувствую. Мужики, понимаешь, Томка, они ведь как дети: у каждого своя причуда. У одного рыбалка, у другого машина. А Май по уши в политике — и придумывает себе, и фантазирует, и наворачивает такое, что подчас страшно становится. А это игра, поняла? Как "морской бой", как в войну... Что? Ой, он так обрадовался, Томчик. До сих пор поверить не может, что станет папочкой... Нет, Томка, заскоки у него, конечно, есть,

но я уже к ним как-то притерпелась. А теперь как пойдут пеленки, распашонки, горшочки, ползуночки... Как помотается за тем, за другим, да еще парочку ночей не поспит — глядишь, и человеком станет. *(Смеется)*.

В передней раздается звонок.

Это он! Пока! На свадьбу? Пригласим, пригласим, что за вопрос!

Кладет трубку, идет в переднюю и открывает дверь. Входит Май с большим букетом гвоздик. Широко улыбается, вручает цветы Кате. Она восхищена, целует его.

О, Май! Прелесть какая! *(Ставит цветы в вазу)*.

МАЙ. Революция отменяется, гвоздики раздаются любимым женщинам.

КАТЯ. Правда? Я рада, что ты... Ну в общем рада и все!

МАЙ. Надо только снять клип с эфира. Звони Рудику.

КАТЯ. Снять? Зачем?

МАЙ. Бабахнет "Аврора" — будет поздно. Это сигнал. Поняла? Доведено до всех групп и отрядов.

КАТЯ. Боже, да кто же придумал такое?

МАЙ. Король "бэ" восемь на "бэ" семь. Сама передавала. Немедленно свяжись с Рудиком.

Катя поспешно снимает трубку, набирает номер, ждет.

КАТЯ. Офис не отвечает.

МАЙ. Звони домой. Живее, живее.

Катя снова крутит диск.

КАТЯ. Сегодня пятница. Мог уехать за город.

МАЙ. Крейсер надо остановить. На студию звони, быстро. Ты понимаешь, чем это пахнет? Большой кровью, Катя. Звони.

Катя, раскрыв записную книжку, набирает один за другим несколько номеров. Наконец, ей удается дозвониться.

КАТЯ. Алло, студия? С кем я говорю, простите? Дежурный выпускающий? О, как удачно, именно вы мне и нужны. Понимаете, в чем дело... Я не могу дозвониться до Рудольфа Михайловича, не знаю,

где он. Мне нужно... мне нужно снять с эфира клип с рекламой банка "Аврора". Он сегодня идет в эфир. Да, я автор... Волчанецкая Екатерина... Как поздно? Вы же его еще не давали! Ну снимите, умоляю вас. Это очень важно, очень, очень! Я не могу вам сейчас объяснить. Могут быть жертвы, случится непоправимое. Миленький, дорогой, верьте мне! Все зависит сейчас от вашего решения... Что? Снимете? Только честно, да? Завтра я брошусь перед вами на колени, да, да! Спасибо, вы меня спасли. Спасибо... *(Положила трубку, в полном изнеможении кладет голову на телефон)*.

Май подходит к ней, нежно гладит ее волосы.

МАЙ. Ты спасла город. И меня, чокнутого психа.

КАТЯ. Не болтай. Никакой ты не псих. Ты чудо-юдо мое, месяц ясный. Никому тебя не отдам. Станный ты, это правда. На других не похож. Ну и что? Я б и Дон-Кихота полюбить могла. А он таз медный на голове носил. Зато сердце какое! А все кругом смеялись над ним... Понимаешь, Май, люди ведь разные. Есть как стеклышко прозрачные — поглядишь, и все ясно. А если человек из разных осколочков сделан — и синие, и красные, и черные, как в калейдоскопе. Как тогда? Вот мы с Рудиком клип монтировали. Пятнадцать секунд, а чего там только нет: и рок, и мультик, и рожи всякие — все перемешано, перекручено, по мозгам лупит. Так и в тебе, Майчик. И доброе, и злое. И мудрость, и , прости меня, такая мерзость и цинизм! Все перемешано.

МАЙ *(смеясь)*. А чего больше?

КАТЯ. Не знаю. Честно, еще не знаю. Включи-ка лучше телек.

Май бьет кулаком по телевизору. Засветился экран. Звучит адажио из второго акта «Лебединого озера».

Слушай, а вдруг... А что, если он забудет, этот выпускающий? А? Или решит, что его разыграли? И клип вдруг пойдет?

МАЙ. Не паникуй. Видишь, все спокойно.

КАТЯ. Слава Богу, слава Богу!..

Катя и Май садятся рядом перед телевизором. Голубой свет экрана освещает их лица.

Смотри, Плисецкая просто чудо!.. Совсем еще девочка... старая пленка. А руки, Май! Боже мой, словно крылья... Колдунья...

МАЙ. А меня лебедята достали. Друг за дружку держатся, коллективные девчонки.

КАТЯ. Сидят люди, вот как мы... Смотрят, наслаждаются. А ведь могло быть... Страшно даже подумать...

МАЙ. Установка была категорическая — разрушить все. До основания.

КАТЯ. Как я счастлива, что все обошлось. Отлетело, как страшный сон. *(Кладет голову ему на плечо/.* И еще я рада, что ты переменялся. Другим стал, правда? Папочка Май! *(Смеется).* Ты будешь строгим отцом, да? Всю любовь внутри спрячешь, в сердце. Ты ведь такой — не любишь телячьих нежностей. Да, Май? Если девочка родится...

МАЙ. Катюшка...

КАТЯ. Нет, нет. Мы ее в честь бабушки Оленькой назовем. Я ее с пяти лет музыке буду учить. На скрипке... Нет, лучше виолончель. Ты не против? Представляешь? «Выступает Ольга Уланова!». И выходит наша крохотулька, а за ней вот такой амбал выносит виолончель. Ольга Уланова! Звучит? У-ла-но-ва! Стоп! Да что я, в самом деле! Это ведь балетная фамилия! Галина Уланова, а теперь Ольга Уланова — одна из маленьких лебедей! Нет, только балерина!

МАЙ. А ежели пацан?

КАТЯ. У меня в хоре петь будет.

МАЙ. Где твой хор? На улицах и в подъездах? Пусть по отцовской линии идет.

КАТЯ. С медвежьим цирком?

МАЙ. Зачем? Архитектором станет. Мои проекты до ума доведет. В шахматишки научу, вечерами резаться будем! Эх!

КАТЯ *(поспешно)*. Ой, нет, нет! Только не шахматы. И не думай!

МАЙ. Чего ты против? Игра умственная, логику развивает.

КАТЯ. Не надо нам шахмат, Майчик. Не надо логики. Без них обойдемся.

Музыка прервалась. По телевизору передают рекламные ролики.

МАЙ. Тихо! Реклама!

КАТЯ. Господи! Сильный, справедливый, добрый! Если ты есть, если слышишь меня, Господи, сделай так, чтобы не было этого проклятого клипа. Господи, останови "Аврору"! Умоляю тебя!

МАЙ. Кликуша, замолчи!

Один за другим следуют обычные рекламные клипы. Дикторы слащаво и умильно расхваливают разнообразные товары — духи, шампуни, шоколад. Обрывки музыки, слов, номера телефонов и факсов. Молча, с напряжением вглядываются в экран Катя и Май. Вдруг слышится фрагмент одной из

революционных песен.

КАТЯ. О Господи!..

МАЙ. Крейсер пошел.

КАТЯ. Все, конец.

По телевизору слышатся команды: "Отдать якорь!", "Расчеты к орудиям!", "Огонь!". Орудийный выстрел. И внезапно, перебивкой, современный рок. Хлопают пробки от шампанского. Мужской голос: "Кто с нами, тот пьет шампанское!". Женский голос: "720 процентов годовых. Банк "Аврора". Дети поют:

В банке «Аврора» открою я счет,

Знаю, что скоро и мне повезет.

Денежки здесь получу я с лихвой —

Крутится, вертится шар голубой!

КАТЯ. Ненавижу себя! *(Бессильно колотит кулачками по телевизору, который, зарывав, тут же выключается).* Что делать. Май?

Май что-то торопливо пишет на клочке бумаги.

МАЙ. Якову звони. Немедленно.

Катя набирает номер.

КАТЯ *(по телефону)*. Здравствуйте... Будьте добры, Якова Михайловича. Нет его? А где он? Увезли? Куда? Что значит «туда же»? В шестнадцатую больницу? *(Вопросительно смотрит на Мая, кладет трубку)*. Слышал? Якова Михайловича увезли...

Май съедает записку, ходит по комнате.

МАЙ. Его бросили в психушку.

КАТЯ. Он что... уже был там?

МАЙ. Я освобожу Якова. Чего бы это мне не стоило.

КАТЯ. Май, успокойся, ты же мне обещал.

МАЙ. Я брошу на шестнадцатую отборные части.

КАТЯ. Май, солнце мое, не надо! Умоляю тебя!

МАЙ. Не разводи соплей! Садись на связь, живо! Ты свидетель — я не хотел кровопролития. Они первыми начали, гады!

Шестнадцатая — это Шлиссельбург. Застенок, каменный мешок. Гробница, где гибнут революционеры. *(Вынимает из кармана несколько листов бумаги)*

КАТЯ. Май, успокойся, возьми себя в руки! Слышишь?

МАЙ. Якова я им не отдам. И не проси. Это политическое убийство. Надо действовать. Вот диспозиционный план восстания. Коды, шифры, номера телефонов. *(Кладет бумаги на журнальный столик)*. Что ты стоишь? Миг промедленья смерти подобен! *(Берет Катю за руки, подводит к телефону и усаживает в кресло)*. Связывайся с отрядом Бурлакова, быстрее! Слышишь?

Катя снимает трубку, набирает несколько цифр и снова кладет ее на рычаг.

КАТЯ. Не могу.

МАЙ. Ты кто? Барышня кисейная или моя жена?

КАТЯ. Хочу быть женой нормального человека.

МАЙ. А я кто по-твоему? Псих? Да?

КАТЯ. Да, Май. Ты сумасшедший. Я сейчас поняла. Как и твой Яков.

Май достает пистолет, не торопясь ставит его на взвод. Катя следит за ним.

МАЙ. Тогда, Катя, жить мне дальше ни к чему... Прощай, и мозги на стенку! Все!

КАТЯ. Постой! Что я должна делать?

Длительная пауза. Май кладет пистолет на журнальный столик.

МАЙ. Вот план. Найди, где там Бурлаков.

КАТЯ *(глядя в бумаги)*. Вторая доска.

МАЙ. Вызывай его. Быстро! *(Идет в свою комнату)*.

Увидев, что Май вышел, Катя поспешно вынимает вилку телефона из розетки, набирает номер. Май выносит из своей комнаты карту, вешает ее на стене. На карте невообразимое сочетание клеток, крестиков, указательных стрелок и шахматных фигур.

КАТЯ *(в трубку)*. Отряд Бурлакова? *(Маю)*. Он у аппарата.

КАТЯ. Бросок на желдорвокзал.

МАЙ. Отставить. План не догма. Пусть штурмуют Шлиссельбург.

КАТЯ *(по телефону)*. Бурлаков, вы меня слышите? Наступайте на Шлиссельбург.

МАЙ. Захватить административный корпус. Главного врача отконвоировать к Феликсу. Всех пламенных революционеров выпустить из камер на свободу. Передавай, не тяни. *(Убегает в свою комнату и вскоре возвращается с циркулем и линейкой)*. Передала?

КАТЯ. Так точно!

МАЙ. Умница! Связь работает идеально! *(Подходит к карте, что-то измеряет, делает какие-то надписи)*. Что у нас дальше?

КАТЯ *(рассматривая бумаги)*. Мэрия.

МАЙ. Ищи Грум - Грумовича.

КАТЯ. Идешь на союз с фашистами?

МАЙ. Временный. Арийцы хорошо организованы и вооружены. Это сейчас архиважно. Вяжемся в драку, а там разберемся.

Катя набирает несколько номеров.

КАТЯ. Грум - Грумович? Алло! Алло!

МАЙ. Что с ним?

КАТЯ. Грохот, стрельба. Ничего не слышу.

МАЙ. Эх, ты... "Грохот". Это бой, миленькая, музыка революции. "Апассионата"! Ба-бах! Ба-бах! Изумительная, нечеловеческая музыка!

КАТЯ. Грум - Грумович! Грум - Грумович! Вы меня слышите? Алло! Алло! *(Маю)*. Он на проводе.

МАЙ. Передавай.

КАТЯ. Вы меня слышите? *(Глядя в бумаги, кричит изо всех сил)*. Окружить мэрию! Вам придаются две установки "Град".

МАЙ. Четыре! Там засел главный бандит!

КАТЯ. Ставка выделяет вам четыре установки. Да, да, четыре. После артподготовки начинайте штурм. С левого фланга. Да, с левого. Мэра заковать в железо и доставить к Феликсу. Дальше? По декрету номер один!

МАЙ *(хохочет)* Точно!

Катя кладет трубку, устало откидывается на спинку кресла.

КАТЯ. Горло сорвала. Давай отдохнем, что ли. Я кофе сварю.

МАЙ. Отхлебнем по глоточку, а революция захлебнется? Каков каламбурчик? Блеск! Разворачивай наступление. Что там по плану?

КАТЯ. Телецентр. Атакуем?

МАЙ. Не угадала. Автоматика. Набираешь номер — и все вдребезги.

Катя крутит диск. Раздается взрыв. Катя в неподдельном ужасе. Май хохочет.

Вот рвануло! Чудо техники!

Катя украдкой ощупывает вилку, вынутую из розетки. С недоумением смотрит на телефон, на Мая.

Динамит в машине, машина в гараже, гараж в телецентре. Ну как? Один пламенный революционер соорудил. За шестьсот баксов. Архигениально! Телек тью-тью! Клипы, хлипы, голые бабы! Зачем они нам? Отрава все это, дурман, забава толстосумов. Будем выпускать одну газету — «Искра». Передовица, хроника, трудовые рапорта.

Бьют часы.

Десять по Цюриху. Звони Груму. Что с мэрией?

КАТЯ (*набрав номер, по телефону*). Кто у аппарата? Мне Грум - Грумовича. Это вы? Докладывайте, что с мэрией. Так, так... (*Маю*). Взяли штурмом.

МАЙ. Молодцы! Груму орден. Что с мэром?

КАТЯ. Награждаетесь орденом. За личное мужество. Где мэр? Что? (*Маю*). Мэр бежал, переодевшись в женское платье.

МАЙ. Чтоб у него бюстгальтер лопнул! Подлец! Каждую женщину задерживать и осматривать.

КАТЯ. Осматривайте всех женщин подряд.

МАЙ. При наличии мужских данных расстреливать как врагов народа.

КАТЯ. Алло! Вы меня слышите? С мужскими органами расстрел на месте. (*Маю*). А орден?

МАЙ (*сворачивает дулю*). Вот ему орден, саботажник! Пусть ищет эту Мэри с мужскими органами! Как тебе каламбурчик? Ничего, а? (*Хохочет*). Эх, девочка ты моя! Как славно, что в трудный час ты

рядом со мной. Народ восстал, революция побеждает. К утру город будет наш. Красная машина повезет нас с тобой по улицам. Люди будут стоять вдоль тротуаров и бросать нам цветы. Миллионы красных гвоздик!.. Вот ты, Катюша, накануне восстания о детках наших говорила. Девочка, мальчик... И подумал я тогда: что их ждет, бедолаг?.. Оленька Уланова. Балериной, думаешь она станет? Проституткой — вот кем! Коммерсантов и банкиров ублажать будет тельцем своим, которое мы выкохаем. А сынок наш? Что его ждет? Либо к мафии подручным, либо всю жизнь с голым задом. Вот так. Только революция их спасет, детей наших. Увидишь, какой мир мы построим. Все одинаково равны, одинаково талантливы, одинаково счастливы! Никто не выпендривается — одна дружная семья. Высунулся — бац по башке! И снова — живи и радуйся!.. Ладно, сентименты потом. Мы совсем забыли о Главпочтамте. Кто там у нас?

КАТЯ (*смотрит в бумаги*). Так... Главпочтамт... Чухно, «Красная сотня».

МАЙ. Вызывай!

КАТЯ (*набрав номер*). Чухно мне нужен, Чухно! Вызывает ставка. Немедленно. (*Прислушивается. Маю*). Чухно на проводе.

Май кивает.

Докладывайте. Так, так... (*Маю*). Почту в основном взяли.

МАЙ. Молодцы!

КАТЯ. Ожесточенный бой в отделе посылок.

МАЙ. Овладеть любой ценой. Обнимаю героев.

КАТЯ. Он вас обнимает.

МАЙ. Телеграф наш?

КАТЯ. Телеграф взяли? (*Маю*). Наш.

МАЙ. Отбей телеграмму.

КАТЯ. Кому?

МАЙ. А то не понимаешь? Учителю, другу...

КАТЯ. Марксу, что ли?

МАЙ. Ага. Пусть порадуетя.

КАТЯ (*в трубку*). Примите телеграмму. "Саратов. Городской зоопарк. Медведю Марксу". Давай текст.

МАЙ. Лучше ты. Чтобы до слез.

КАТЯ. *(диктует)*. "Искра вспыхнула тчк медведи всех стран соединяйтесь".

МАЙ. Архивеликолепно. Дойдем до Саратова, освободим старика. Он мне как-то сказал: если мировая революция победит, я вновь человеком стану. А мы уже полдела сделали. Искру поддержат другие страны — Германия, Мексика, Индия... Вот увидишь! "Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!>"

В порыве воодушевления ударяет кулаком по телевизору. Внезапно вспыхивает экран. Май ошарашен.

Что?! Да я же взорвал этот вертеп!

Громко звучит музыка из третьего акта «Лебединого озера»: стремительный, вихревой танец Одиллии на балу в замке.

КАТЯ. Но взрыв был.

МАЙ. Был, был! Ты ведь тоже слышала? Сильный, будто рядом, бухнуло.

КАТЯ. Ой! Я все поняла! *(Бросается в кухню, снимает с полки шкафа банку с огурцами)*. Огурчики взорвались! *(Хохочет)*.

МАЙ. Саботажники! Всех к стенке! *(Ударяет кулаком по телевизору, тот выключается)*. А ты, кажется, заодно с ними? Смешно, да?

КАТЯ. Смешно и грустно. Огурчиков жаль. На зиму готовила.

МАЙ. В этом вся ты. "Рожденный ползать...". Ладно, разберемся. Вызывай Грума.

Катя садится за журнальный столик, снимает телефонную трубку.

Май внимательно следит за ней. Все еще продолжая смеяться, Катя крутит диск.

КАТЯ. Грум - Грумович у аппарата.

МАЙ. Всех арийцев на грузовики. Штурмом взять телецентр.

КАТЯ *(по телефону)*. Что? Что? *(Маю)*. У арийцев большие потери.

МАЙ. Революций без жертв не бывает. Вперед!

КАТЯ. Грум - Грумович, или телецентр или виселица.

МАЙ. Ты молодчина!

Вдруг замечает, что телефонный провод выключен из розетки. Поднимает его, внимательно смотрит на Катю. Она этого не видит.

(Стараясь говорить как можно спокойнее). И что он отвечает?

КАТЯ. Спецназ перешел в атаку. У арийцев двадцать восемь убитых.

МАЙ. А раненых сколько?

КАТЯ. Сколько раненых? *(Маю).* Шестьдесят три.

МАЙ. Ай-яй-яй! *(Вдруг — криком).* Гадина! А это что? *(Машет перед ее лицом телефонным проводом).* С Грумом ты разговаривала, да? Тварь продажная, контра! За сколько тебя купили? Молчи! Дрянь подлая! Дрянь! *(Привязывает ее к спинке стула, берет пистолет).* Именем революции я должен приговорить тебя к смерти. Ты умрешь под своим действительным именем, которое так тщательно пыталась скрыть. Не удалось. Своими действиями ты полностью разоблачила себя как агент империализма. Ты Фанни Ефимовна Каплан, совершившая теракт на заводе Михельсона. Три твои пули впились в его сердце. Он еще немного пожил, но это уже был не вождь мирового пролетариата, а парализованный старик — немой, полубезумный, с рыжей кошечкой на коленях. Ты лишила революцию ее вождя. Но не думай, что навечно, что навсегда. Я, Май Уланов, ощутил его раны как свои и его дело как свое. Вот почему ты — змея! змея! — возникла на моем пути. Обворожила, обволокла — и погубила революцию. Снова... Фанни Каплан, ты имеешь право на последнее слово. Говори.

КАТЯ. Я Екатерина Львовна Волчанецкая, 28 лет, родилась в Одессе, в семье врача. Работала хормейстером в городе Искра. Замужем не была. После смерти мамы жила одна. В июле этого года познакомилась на вокзале с человеком, которого полюбила, и прожила с ним в одной квартире более трех месяцев... Когда-то, еще в студенческие годы, мне случайно попало на глаза научное сочинение, автора не помню, под названием "Гениальность и помешательство", где эти два состояния человеческого духа рассматриваются как близкие, взаимосвязанные, перетекающие друг в друга. Май Уланов показался мне ярким и необычным человеком. Я, во всяком случае, за всю свою жизнь таких людей ни разу не встретила. Но временами я видела перед собой чудовище...

МАЙ. Все! Хватит!

КАТЯ. Маньяка, который способен на все ради своей идеи. Убить, взорвать, сжечь!..

МАЙ. Фанни Каплан, военный трибунал лишает вас слова. Революция не прощает предателей. Я должен, я обязан привести приговор в исполнение. В той далекой, давно прошедшей нашей жизни тебя убил комендант Кремля, балтийский матрос Паша Мальков. В подвале, выстрелом в затылок. Так говорит история, и это, наверное, правда. Но настоящим твоим убийцей и тогда был я. Да, Фанни, я, я!

Раненый, с кровью в плевре, с перебитым твоей пулей плечом, я лежал в своей кремлевской квартирке в окружении докторов и друзей. У моего изголовья, ближе всех, в наглухо застегнутой кожанке сидел Яков Михайлович Свердлов. Выждав момент, когда врачи отвлеклись, рассматривая рентгеновский снимок, он наклонился ко мне и прошептал: "Что будем делать с Каплан? В расход". Я лежал и размышлял — мозг мой, к счастью, не был поврежден твоими пулями. Убить или помиловать? — думал я. Женщина. Молодая. Политкаторжанка. Вроде бы своя. Проявить великодушие, сохранить ей жизнь... Но тогда я предаю другую. Ту, которую любил и буду любить больше жизни, — Революцию... Яков снова наклонился надо мной: "Я жду вашего ответа" и дотронулся до моей руки. — "Вы согласны? Да?". Я молча закрыл глаза. И через два часа твоя душа, Фанечка, отлетела, как говорится, в мир иной. Чтобы потом, через много лет, воплотиться в скромную учительницу музыки Катеньку Волчанецкую. Но ты Фанни, Фанни Каплан! Увидев тебя, я сразу понял, что время и пространство вновь соединили нас. Что мне и моему святому делу снова грозит гибель. Я пришел к тебе, чтобы... Но не смог. Случилось самое страшное. Я полюбил тебя. (*Садится возле нее на пол*). Человека губит то, что он больше всего любит. Губит—любит, банальная рифмочка, но ведь со смыслом. Пловец гибнет от морской пучины, развратника сжигают бабы, сластена помирает от диабета. Любовь и смерть соединены незримо и вечно. «Комплекс князя Олега» — так я это называю. Помнишь? "Как ныне собирается вещей Олег...". Пуще славы, женщин, дворцов и кубков заздравных любил князь своего боевого коня. И что напрозорчил ему кудесник? "И примешь ты смерть от коня своего..." Как? От своего любимца? Нет, кудесник, ты ошибся. Но! "Из мертвой главы гробовая змея шипя между тем выползала". (*Осторожно берет Катину руку, подносит ее к губам*). Попрощаемся, девочка моя. Не могу поступить иначе. Змейка ты моя... Каждый пальчик твой целую. Этими пальчиками ты пульки ядом смазывала. Кураре — смертельная отравка. С трудом, наверное, достала. И ваткой каждую пульку, Фанни. Чтобы наверняка, чтобы паралич сковал сердце. Чтобы оно перестало дышать. Сердце Революции, как сказал Яков Михайлович. Но, понимаешь, в чем фокус? Я —жив. И ты, расстрелянная Пашей Мальковым, тоже жива. И, если поглядеть вокруг, многие наши живы. И Феликс, и Яков, и Коба, и Клим... Только переселились в других людей. Умерли, чтобы снова родиться! Мы, может, иначе одеваемся, и зовут нас, наверное, не так, как раньше. Но разве суть от этого изменилась? Это как в шахматах. Какая разница, из чего сделана фигура? Из дерева, из камня, из бумаги... Все равно пешка ходит как пешка, а ферзь ходит как ферзь.

В передней раздается звонок. Катя и Май с удивлением смотрят друг на друга.

КАТЯ (*громко*). Кто там?

МАЙ. Молчи! (*Поднимается и быстро подходит к двери. В руке у него пистолет*).

Настойчивые, резкие звонки.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Май Уланов, нам известно, что вы здесь.

Откройте.

Пауза.

С вами говорит врач шестнадцатой больницы. Той, где вы находились на лечении. Откройте двери, мы хотим с вами поговорить.

Май стреляет в потолок.

Выпустите Екатерину Волчанецкую и сдайте оружие

Май снова стреляет.

Может быть, вас интересует, где Яков Михайлович, который убежал вместе с вами?

МАЙ. Да. Интересует.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Он возвратился и ждет вас.

МАЙ. Не верю.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Он просил передать вам свой ход.

МАЙ. Он сделал ход? Какой?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ладья "а" четыре на "а" пять.

МАЙ. Пожертвовать ладью? Идиот! (*Кате*). Он выжил из ума, это ведь сдать партию! (*Опускается на колени перед Катей*). Но я не хочу в Шлиссельбург! Не хочу! Я партию не сдам, нет! (*Развязывает провод, освобождает Катю*). Лучше убей меня. Слышишь? (*Дает ей пистолет*). Я не вернусь туда, ни за что. Стреляй. Это мое последнее желание. Скажешь, что я сам себя кокнул...

В дверь стучат, колотят ногами.

Там два патрона. Стреляй. Видишь, бронежилета нет. Нажмешь пальчиком — и все. Я же маньяк, чудовище, ты же сама сказала.

Катя медленно поднимает руку, наводит пистолет.

Стреляй, тебе говорят! Ну что же ты, трусишка? Сюда целься, сюда! Стреляй в Ленина, он не нужен людям, я понял. Он пришел к ним или поздно... или слишком рано.

КАТЯ. Не могу! (*Опускает руку*).

МАЙ. Можешь! Ты Фанни! Фанни! Стреляй!

КАТЯ. Нет! Я Катя! Катя! (*Швыряет пистолет пол*). И я тебя люблю, Май, люблю! Люб-лю-ю-ю-ю!

Катя бросается к нему и покрывает его лицо быстрыми

страстными поцелуями. Они обнимают друг друга и плачут. Не переставая бьют часы-куранты. И хор мальчиков, словно звонкая стайка птиц, плывет в небесную голубизну.

Конец